

ния равенства на этом пути. Ведь если нет Бога — то всякому позволительно занять Его место. И, в отсутствие Бога, всякий ощущает со всей остротой непосредственного опыта, что мир вращается вокруг именно его “я”. В романе «Братья Карамазовы» это путь Ракитина (он почти при первом своём появлении провозглашает лозунг Великой французской революции: “Человечество само в себе силу найдёт, чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдёт...”; 14, 76). Но на то он и “пошляк”, как он сам подозревает и выскажет сразу же после декларирования великого революционного принципа... Для других героев, пытающихся отвергнуть Бога (Великого инквизитора, Ивана, Смердякова), — их попытка становится не путём, а тупиком, выход из которого — только в следовании за Христом (как написал Павел Фокин о Великом инквизиторе, выпустившем Христа из тюрьмы). И, надо полагать, стены их темниц возведены именно их надменностью и презрением к окружающим, отмеченными в романе в качестве доминант характера для всех троих.

Однако есть и другой путь. Так, в классе, откуда ушёл или изгнан (14, 233) учитель, начинается кавардак, бедлам и разбой. (Именно так — как взбунтовавшихся детишек, выгнавших из класса учителя, — описывает революционное человечество великий инквизитор.) Но совсем иное — в классе, где учитель присутствует, — и все об этом знают, но только никто не знает, как он выглядит. Или вернее — кем Он предстанет на этот раз. Через кого захочет дать урок. Равенство в таких условиях — это путь всеобщего почтения, и способ понимания равенства в этом случае — если нет никого ниже меня, то все выше меня. И именно на этот способ понимания равенства указывает Христос, продолжая разбираемый евангельский текст словами: “Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится” (Мф. 23, 11–12).

Если нет на земле отца и учителя, то в любом мы можем увидеть Отца и Учителя. Вот решение, которое даёт Достоевский в романе. И старец Зосима, словно отвечая на Алёшино “отец и учитель”, — далее, на протяжении всей беседы в главе «Русский инок», будет обращаться к своим гостям — “отцы и учителя”. Между тем он для всех присутствующих — старец. То есть, если понимать дело иерархически, — именно “отец и учитель”, наделённый огромной “в иных случаях” властью, как специально оговаривает Достоевский в начале романа. В сущности, его обращение звучит так, как если бы учитель вошёл в класс и обратился к присутствующим там ученикам: “отцы и учителя”.

Что я не утрирую, не преувеличиваю парадоксальности, с нашей точки зрения, такого обращения, доказывает романная рифма к этим словам старца Зосимы. Я имею в виду обращение капитана Снегирёва к своему сыну со словами: “Илюшечка, милый батюшка”. Да и обращение Фёдора Павловича к Ивану: “Отец ты мой родной” (14, 252), — хоть и менее замечается читателем, но относится к тому же ряду.

Вообще же, самое пронзительное впечатление в романе оставляют обращения или именованья “папа” по отношению к отцам, которые, с точки зрения либерала Фетюковича, решительно не могли бы претендовать на это “звание”. Это Илюшечкино: “Пустите, пустите, это папа мой, папа, простите его” (14, 186) и “Папочка, милый папочка, как он тебя унизил!” (14, 190). И это крик девочки, которую сечёт отец: “Папа, папа, папочка, папочка!” (14, 220). В сущности, дети здесь говорят: “Как бы тебя ни унизили, ты всё равно мой отец, и ничто этого не изменит” или “Как бы ты ни унизил себя (своей жестокостью и несправедливостью) — ты всё равно мой отец, и ничто этого не изменит”. И это возможно только потому, что “один Бог есть виновник всех и учителей и отцов”.

Я полагаю, что вне контекста разбираемого высказывания Христова невозможно понять другое, гораздо более “популярное”, хотя вовсе не более понятное Его высказывание: “если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное”. Но приведём полный текст: “В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном” (Мф. 18, 1–4). Если не переводить высказывание сразу в привычный морализаторский план, то можно будет, наконец, заметить, что речь здесь *буквально* идёт о *росте*: среди учеников стоит ребёнок, который *ниже* всех, и им предлагается *умалиться*, чтобы стать (почувствовать себя) “как это дитя”.

Стоит всерьёз подумать — о чём идёт речь, когда для вхождения в Царство Небесное нам предлагают стать “как дети”. То есть какие качества детей, собственно, обеспечивают им такое вхождение? Опять-таки, привычный ответ — это “детская кротость”, “послушание” и т.п. Слыша такие ответы, всегда хочется спросить, как давно отвечающий видел детей. Во всяком случае, по прочтении романа «Братья Карамазовы» странно говорить об этих детских качествах. Есть только одно качество, безусловно, присущее всем детям, пока они дети. Это — способность *расти*. И, кроме того, пожалуй, ощущение своего роста как недостаточного ещё,